

Тарелкин до премьеры не умрет!

Как и было обещано читателям "Культуры", сегодня мы продолжаем обсуждение ситуации, сложившейся вокруг осуществления программы "Новая жизнь традиции" в Александринском театре. На днях в редакцию пришло письмо от дирекции театра, которое мы публикуем ниже. Свою точку зрения на ситуацию высказал и художественный руководитель программы Валерий Фокин.

В № 13 "Культура" опубликовала материал о якобы катастрофической ситуации, возникшей в связи с осуществляемой Александринским театром художественно-исследовательской программой "Новая жизнь традиции", замысленной совместно с Центром им. Вс. Мейерхольда.

Удивляет, зачем понадобилось некоторым участникам программы еще до окончательного прояснения ситуации, что называется, "выносить сор из избы" и, не вникнув в суть проблемы, провозгласить "хороший" проект, который был инициирован именно дирекцией Александринского театра, а также обвинять руководство старейшего театра России в легкомыслии и чужды ли не в саботаже. Удивляет, наоборот, легкомыслие тех, кто раздувает сегодня "пожар" и видит катастрофу там, где ее нет.

Ни для кого не секрет, что именно дирекция театра проявила творческую смелость и волю для того, чтобы пробить брешь в консервативном сознании приверженцев старой Александринки и придать творческий динамизм театру, пойдя на союз с новой режиссурой, с тем же Центром им. Вс. Мейерхольда. Без тех десяти лет творческого развития, которые прошла Александринка после "горбачевского периода", невозможно было бы говорить и о приглашении таких режиссеров, как М. Лангхофф и К. Люпа. Сам Валерий Фокин подтвердит, как настойчиво дирекция театра сражалась за этот проект.

(Окончание на 11-й стр.)

Тарелкин до премьеры не умрет!

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Случай с Лангхоффом не выходит за рамки сложностей, возникших в процессе подготовки уникального по своему творческому и техническому заданию проекта. Маттиас Лангхофф, выступающий в постановке "Смерти Тарелкина" и как сценарист, и как режиссер, предложил сложнейшее технологическое решение, которое требовало и больших материальных вложений, и немалого напряжения сил мастерских, учитывая сжатые сроки работы над спектаклем.

Приняв предложенные режиссером сроки выпуска спектакля, театр поставил перед собой задачу в сверхсжатые сроки подготовить декорации. Подтверждение Министерства культуры о том, что финансирование проекта будет открыто в январе, позволяло надеяться, что закупить материалы и начать изготовление оформления можно будет также в начале года. Любому сотруднику министерства, любому театралу, любому практикующему понятно, что никакие гарантийные письма сегодня не будут действовать, когда речь пойдет о закупке материалов, да и проблематично, что министерство может дать какие-либо гарантии. Валерий Фокин и дирекция театра все же не теряли надежды и, заручившись поддержкой министра, который еще в январе отдал распоряжение об открытии финансирования, мы взялись за разработку сложнейшего инженерного сооружения. Театр затратил из своих средств около шестисот тысяч рублей на подготовку проекта спектакля. Однако без финансирования министерства приступить к изготовлению декораций в полном объеме не мог. И все же театр до последнего надеялся на то, что переноса сроков премьеры удастся избежать. Был разработан даже такой технологический проект, при котором декорации можно было успеть сделать в срок, распределив заказ между четырьмя мастерскими. Но денег из министерства все еще не было, и соответствующие инстанции тянули с заключением договора с театром на этот проект. Упрекать Министерство культуры здесь бессмысленно, оно само в отношении финансов во многом, если не полностью, зависит от Минфина. Но факт

остается фактом: вместо середины января договор с министерством на финансирование проекта был подписан только 6 марта, к тому же всем известно, что между датой подписания договора и реальным приходом денег в театр обычно существует ощутимый интервал. Когда стало абсолютно ясно, что выполнить заказ в срок невозможно, театр проинформировал режиссера о создавшемся положении и предложил обсудить перенос сроков премьеры. Такая практика, к сожалению, весьма распространена и имеет место даже в крупнейших театрах мира. Имея горячую заинтересованность в осуществлении проекта, Александринский театр провел непростые и интенсивные переговоры с Маттиасом Лангхоффом. Была назначена встреча в Санкт-Петербурге, которая 6 апреля и состоялась с участием Валерия Фокина как художественного руководителя программы. Стороны еще раз подтвердили, что совместная работа над "Тарелкиным" является приоритетной, был составлен ее примерный график, и во избежание в дальнейшем проблем с финансированием выпуск спектакля был отнесен на осень 2004 года.

Авторы программы, конечно же, имели "в запасе" на случай форс-мажорной ситуации почти готовую режиссерскую разработку известного питерского постановщика Григория Козлова, который в рамках программы предполагал поставить "Маленькие трагедии" А.С. Пушкина. Это произведение впервые было осуществлено именно на Александринской сцене. Сейчас идет согласование деталей этого проекта, и мы надеемся, что в конце года премьеры состоится.

Шум, поднятый вокруг программы "Новая жизнь традиции" журналистами, вполне понятен: творческий проект такого масштаба поистине уникален. Однако удивление вызывает то, что слова сомнения и подозрительность исходят изнутри творческого коллектива программы. Это можно объяснить лишь эмоциями или недостаточным пониманием специфики производственной деятельности театра.

Дирекция Александринского театра

Итак, 6 апреля в Санкт-Петербурге состоялась встреча художественного руководителя совместной программы Центра имени Мейерхольда и Александринского театра "Новая жизнь традиции" Валерия Фокина и директора Александринского театра Георгия Сащенко с режиссером Маттиасом Лангхоффом. О том, как проходили переговоры с Лангхоффом, о причинах возникшего прецедента и дальнейшей судьбе программы рассказывает Валерий ФОКИН:

— Слава Богу, с Лангхоффом нам удалось договориться о переносе сроков премьеры спектакля "Смерть Тарелкина" на осень 2004 года. Хотя переговоры были очень непростыми. Этой встрече предшествовала довольно длительная переписка режиссера с Александринским театром, постоянные телефонные переговоры с Японией, где я в то время работал. Обстановка была достаточ-

но нервная. Лангхофф говорил и писал о том, что рассматривает этот прецедент как нарушение своего контракта.

— Какие аргументы, приведенные руководителями программы, заставили Лангхоффа изменить свое намерение разорвать контракт и вернуться к работе над спектаклем?

— Мы его уговорили только по творческим соображениям. Мы очень хотим, чтобы в репертуаре Александринского театра в рамках программы появился его спектакль. Лангхофф же действительно — один из немногих европейских режиссеров, который любит и знает русскую классическую драматургию, знает Мейерхольда. Ему ведь тоже хочется поставить "Смерть Тарелкина", несмотря на все свое возмущение. Тем более что он уже придумал, как это сделать.

— Но неустойка тем не менее ему будет выплачена?

— Безусловно. Предусмотренная контрактом. Об этом мы тоже договорились.

— Все это можно было бы рассматривать как частный случай. Но известно, что переговоры пришлось вести не только с Лангхоффом, но и с Григорием Козловым, чтобы заполнить "программную" брешь 2003 года?

— Естественно. К счастью, удалось и с ним договориться о том, что осенью этого года он представит в рамках программы спектакль "Маленькие трагедии". Но и Козлову пришлось менять свои планы, связанные с руководимым им петербургским ТЮЗом, со студенческими работами в театральной академии. Теперь и "Чайка" Кристиана Люпы переносится на 2005 год, хорошо, что еще время есть. А ведь могло бы получиться так, что мы в текущем году оказались бы без спектакля. Тогда, считайте, программа закончилась бы.

— Срыв контракта с Лангхоффом — это чисто российское театральное явление, или здесь присутствовали другие, не творческие мотивы?

— То, что нет никакого саботажа или злого умысла, это стопроцентно. В этом просто нет никакой логики. Я

не открыло финансирование?

— Я думаю, это случилось не совсем по их вине, потому что и туда деньги своевременно не пришли. Моя точка зрения такова — мы знаем, где мы живем и в какую ситуацию можем попасть. Еще ведь надо учитывать наше мышление. Если бы речь шла о русском режиссере, мы подобные обстоятельства и за форс-мажор бы не сочли. Случись такое со мной в России, я бы, конечно, сказал: ну что же делать, буду перекраивать свои планы, искать выход из положения, потому что я знаю, где живу. А работая на Западе, безусловно, потребовал неустойку, потому что теряю время и деньги. Мы недооцениваем того, что наши психологические привычки не корреспондируются с четкостью и юридической точностью западной жизни. Мы к этому не привыкли, к сожалению. Иногда думаем, что контракт — это бумажка, которую можно разорвать в любой момент, не понимая, что это — обоюдная ответственность. Вот в чем проблема. Поэтому, конечно, из сложившейся ситуации надо извлечь уроки и не допустить ее повторения.

— Дальнейшее осуществление программы пройдет под более жестким контролем?

— Не то слово. Но это будет не столько организационный контроль, сколько совместный с Александринским театром контроль за финансово-экономическими вопросами. В связи с тем же спектаклем Лангхоффа мы должны заранее организовать финансирование и проследить, чтобы все декорационные работы были закончены летом 2004 года.

— Мой предыдущий собеседник Валерий Семеновский сказал о том, что вы сами прокомментируете слухи о вашем назначении на пост худрука Александринского театра.

— Это был проект, который витал в кабинетах Министерства культуры. Я об этом узнал тоже из министерства, в том числе и о письме актеров Александринского театра и его директора Г. Сащенко с просьбой назначить меня худруком Александринки. После этого у меня состоялась беседа с Михаилом Швыдким, который предложил мне упомянутый пост. Я ответил, что не могу так однозначно решить этот вопрос, поскольку мой дом — это Центр Мейерхольда, уходить откуда я не собираюсь. Если же эту проблему обсуждать, то при условии, что одновременно со мной в театр придет и главный режиссер, вместе с которым я мог бы осуществлять прежде всего репертуарное руководство театром. Тем более что